

ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Обзоры и замѣтки.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Задачи нашей торговой политики. **И. М. Кулишера.**—2. Анна Павловна Философова. **А. С. Изгоева.**—3. Изъ германскихъ „программъ войны“. **И. О. Левина.**—4. Изъ исторіи балканскаго союза. **С. Лозинскаго.**

II. Литература и искусство.

1. **С. М. Соловьевъ.** Петра Струве. — 2. Культура рѣчи. **Н. В. Недоброво.**—3. † **К. Е. Маковскій.** **А. А. Ростиславова.**

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Задачи нашей торговой политики. ¹⁾

Во имя чего мы сражаемся? — спрашиваетъ Н. П. Ланговой въ своей брошюрѣ (Петроградъ, 1915 г.), выпущенной подъ этимъ названіемъ. И отвѣчаетъ на это: ради того, чтобы „сохранить за собой полную свободу въ дѣлѣ огражденія интересовъ національнаго нашего труда“. „Великое дѣло націонализаціи рынка“, „эмансипація отъ иностранной промышленности“, — таковы современные лозунги, очередныя задачи въ области торговой политики.

Но какъ достигнуть ихъ осуществленія? Однимъ изъ средствъ являются выгодные торговые договоры, соглашенія съ другими государствами, соотвѣт-

ствующія интересамъ русскаго народнаго хозяйства. Англія это знала уже двѣсти и триста лѣтъ тому назадъ. Осуществляя принципъ: національный фабрикатъ, выдѣланный изъ національнаго же сырья, — то, о чемъ у насъ мечтаютъ въ настоящее время, — она запретила въ 1565 г., въ интересахъ своей наиболее важной отрасли промышленности, на которой зиждилось богатство Англіи, шерстяного производства, вывозъ за границу живыхъ барановъ, ягнятъ и овецъ, подъ страхомъ конфискаціи имущества и потери лѣвой руки. И въ память этого закона, положившаго начало развитію шерстяной промышленности, было установлено, что лордъ-канцлеръ и верховный судья должны сидѣть въ верхней палатѣ на шерстяномъ мѣшкѣ. А сто лѣтъ спустя было предписано подъ угрозой наказанія хоронить покойниковъ въ шерстяныхъ саванахъ, въ гробахъ, обитыхъ сукномъ. Эти законы просуществовали до 1814 г. Но главнымъ средствомъ

---

¹⁾ Печатаемая настоящую замѣтку, мы открываемъ въ нашемъ журналѣ разностороннее обсужденіе тѣхъ торгово-политическихъ проблемъ, которыя тотчасъ станутъ на очередь послѣ окончанія войны. *Ред.*

покровительства національной шерстяной промышленности было заключение торговых договоров съ другими странами, которые обезпечивали экспортъ „славныхъ аглинскихъ етаминовъ, саржей, перпетузелей, баекъ и другихъ шерстяныхъ матерій“ въ Испанію и Португалію, въ испанскія Нидерланды, въ Россійское государство.

Такъ, въ 1703 г. былъ заключенъ договоръ между „свѣтлѣйшей и могущественнѣйшей государыней Анной, королевою Великобританіи, и свѣтлѣйшимъ и могущественнѣйшимъ Петромъ, королемъ Португаліи“, — знаменитый метуэнскій договоръ, который обезсмертилъ имя „превосходительнаго Джона Метуэна, эсквайра, члена англійскаго парламента и чрезвычайнаго посланника въ Португаліи“. Современники Метуэна утверждали, что ему нужно поставить памятникъ въ каждомъ торговомъ городѣ Англій за то, что онъ сумѣлъ убѣдить португальцевъ въ томъ, что имъ, живущимъ подъ яснымъ небомъ, нѣтъ надобности итти противъ природы и заниматься приготвленіемъ шерстяныхъ матерій; это они должны предоставить англичанамъ, которыхъ сырой и холодный климатъ заставляетъ большую часть года проводить подъ крышей и работать въ спертomъ воздухѣ. Этимъ договоромъ отмѣнялось въ пользу Англій существовавшее въ Португаліи общее запрещеніе привоза иностранныхъ шерстяныхъ матерій. Взамѣнъ этого Англія предоставляла льготы для португальскихъ винъ, привозимыхъ въ Англію, хотя привозъ послѣднихъ едва ли значительно повысился „для особенной ихъ природной кислоты и остроты, которая по объявленію докторовъ и лекарей англійскому народу весьма вредительна“, — какъ говорится въ русскомъ извлеченіи 1748 г. „Саваріева лексикона о коммерціи“.

Точно такъ же на основаніи „трактата между русскійскимъ и англійскимъ дворами о дружбѣ и взаимной между обѣихъ державъ коммерціи“ 1734 года

Англій удалось добиться пониженія пошлинъ приблизительно на одну треть для привозимыхъ ею шерстяныхъ тканей, „англинскихъ солдатскихъ суконъ, толстыхъ суконъ Йоркской провинціи, широкихъ фланелевъ и узкихъ фланелевъ“. (См. Остроуховъ. „Англо-русскій торговый договоръ 1734 года“. Спб. 1914 г.) Съ этихъ поръ и у насъ, гдѣ и раньше „аглинское сукно доброе“ или „аглинка“ часто служило предметомъ пожалованія служилымъ людямъ за ихъ „службу“, „раны“, „полонное терпѣніе“, Англія стала „одѣвать“ болѣе состоятельные классы населенія своимъ сукномъ.

Но Англія не удовольствовалась однимъ разрѣшеніемъ привозить свои шерстяныя матеріи въ Португалію или пониженіемъ пошлинъ на англійское сукно у насъ или въ испанскихъ Нидерландахъ. Она понимала, что и другія страны могутъ добиться не только такой же отмены запрещенія для своихъ матерій, но и болѣе низкихъ пошлинъ. Ей нужно было имѣть гарантію, что въ будущемъ другія государства, напримѣръ, ея конкуренты—Франція, Голландія, не будутъ пользоваться большими льготами, чѣмъ англійскія сукна, что въ случаѣ предоставленія какихъ-либо выгодъ другой странѣ, эти выгоды немедленно и безъ какихъ-либо особыхъ соглашеній будутъ распространены и на нее, на Англію. Эта гарантія и дается Англій въ заключаемыхъ ею въ XVII и XVIII ст. съ Испаніей, Швеціей, Даніей, Россіей договорахъ, дается ей признаемъ, что англичане пользуются правами наиболее благоприятствуемой державы.

Въ англо-русскомъ трактатѣ 1734 г. говорится, что „обоихъ странъ подданные въ ихъ областяхъ всегда яко наилучше фаворизованной народъ трактованы и почитаны быть имѣють“. А въ другихъ мѣстахъ трактата это поясняется точнѣе: „подданнымъ имѣеть быть позволена совершенно свободная навигація и купечество во всѣхъ ихъ, въ Европѣ лежащихъ областяхъ, гдѣ нынѣ навигація и купечество другому кото-

тому народу позволено или впредь позволено быть может". Русскіе купцы въ Великобританіи и англійскіе въ Россіи имѣютъ право торговать и „домы строить, покупать и наймовать и оныя пакы продавать“ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ „которому нибудь другому народу позволено есть“, и имъ „надлежитъ не болѣе пошлинъ платить, почему другихъ народовъ подданные тамо платятъ“.

Съ этого времени оговорка наибольшаго благопріятствованія (la clause de la nation la plus favorisée, most-favored-nation clause, Meistbegünstigungsklausel) постепенно становится необходимой составной частью торговыхъ договоровъ, входящихъ въ желѣзный инвентаръ междунаrodnыхъ трактатовъ. Въ однихъ случаяхъ государства, заключая договоръ, не требуютъ для своихъ подданныхъ какихъ-либо льготъ, для своихъ товаровъ и судовъ пониженія пошлинъ, а довольствуются однимъ наибольшимъ благопріятствованиемъ, обезпеченіемъ ихъ подданнымъ и ихъ товарамъ и судамъ равноправности съ подданными, судами и товарами другихъ странъ. Чаще, однако, они настаиваютъ на пониженіи пошлинъ, взимаемыхъ съ опредѣленныхъ товаровъ, составляющихъ важный объектъ ихъ экспорта, требуютъ далѣе закрѣпленія (фиксациі) нѣкоторыхъ другихъ пошлинъ, т.-е. обязательства не повышать ихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ остальномъ они выговариваютъ себѣ most-favored treatment, т.-е. пользованіе правами, предоставленными подданнымъ наиболѣе благопріятствуемой державы.

Этотъ принципъ равноправія, пользованія всѣми льготами, которыя даны какому-либо другому государству, особенно широко примѣняется въ періодъ торжества идеаловъ свободной торговли 1860 и 1870 годовъ, когда Европа открылась сѣтью торговыхъ договоровъ. Каждая страна заключала договоръ со всѣми другими государствами: Франція съ 19 державами, Италія съ 24; Австрія заключила 14 договоровъ, германскій

таможенный союзъ—18, Бельгія—19 договоровъ. Въ каждомъ договорѣ выговаривалось пониженіе тѣхъ или другихъ ставокъ въ пользу даннаго государства-контрагента; по оному немедленно распространялось каждый разъ, подобно электрическому току, и на всѣ прочія страны, ибо во всѣхъ трактатахъ предусматривалось наибольшее благопріятствованіе, безусловное и безвозмездное пользованіе всѣми льготами, привилегіями и выгодами, предоставленными какому-либо иному государству.

Но прошелъ медовый мѣсяцъ свободной торговли. Съ 80-хъ годовъ, протекціонизму вновь были широко открыты двери, и онъ началъ свое побѣдоносное шествіе по всѣмъ странамъ Европы и Америки, а принципъ наибольшаго благопріятствованія продолжалъ попрежнему примѣняться. Франція, Италія, Германія, Австро-Венгрія, Соединенные Штаты, Россія (кромѣ лишь Англии и Бельгіи)—всѣ они наперерывъ повышали свои таможенные тарифы и весьма неохотно шли на уступки въ смыслѣ закрѣпленія или пониженія ставокъ при заключеніи договоровъ. Но всѣ они понимали отлично, что имъ необходимо добиться того, чтобы ихъ суда и товары не подлежали менѣе благопріятнымъ условіямъ, чѣмъ суда и товары другихъ странъ, а, слѣдовательно, и они въ свою очередь должны поставить подданныхъ данной державы, съ которой они заключаютъ договоръ, на равную ногу съ подданными всѣхъ прочихъ державъ. Поэтому и въ эру протекціонизма всегда прибавлялась и прибавляется оговорка наибольшаго благопріятствованія, „наилучше фаворизованнаго народа“.

Заключенный, наприм., нами съ Германіей торговый договоръ въ 1904 г. (онъ былъ у насъ отмѣненъ 28 июля 1914 г., вслѣдствіе открытія военныхъ дѣйствій Германіей), т.-е. въ періодъ наибольшаго расцвѣта протекціонизма какъ у насъ, такъ и въ Германіи,—устанавливаетъ, что „произведенія почвы и промышленности Россіи, возимыя въ Гер-

манію, и произведенія почвы и промышленности Германіи, ввозимыя въ Россію, ...ни въ какомъ случаѣ ни подѣ какимъ предлогомъ не будутъ подвергаемы болѣе высокимъ или инымъ пошлинамъ, сборамъ, прямымъ или косвеннымъ налогамъ, а равно подлежать дополнительнымъ пошлинамъ или запрещенію къ привозу, кои не распространялись бы на однородныя произведенія всякой другой страны“. Къ этой формулировкѣ принципа наибольшаго благопріятствованія, извѣстной подъ именемъ „отрицательной формы“, прибавлена и „положительная форма“: „соответственно сему, всякая льгота и преимущество, всякое пониженіе ввозныхъ пошлинъ, значащихся въ общемъ или въ договорномъ тарифахъ, предоставленныхъ третьей державѣ безъ срока или на время, распространяются немедленно, безусловно, безъ ограниченій и безвозмездно на произведенія почвы и промышленности другой стороны“. Здѣсь имѣется, такимъ образомъ, благопріятствованіе, выраженное въ двойной формѣ—отрицательной и положительной, и притомъ благопріятствованіе безусловное, безъ всякихъ ограниченій.

Лишь въ самое послѣднее время появились противники этой, казалось бы, прочно установившейся „оговорки“. Стали утверждать, что она несправедлива, ибо ставить всѣхъ въ равное положеніе, независимо отъ того, что они предоставляютъ съ своей стороны другому государству; при ней всякій договоръ въ моментъ заключенія его представляетъ собою бѣлый листъ бумаги, содержаніе же его опредѣляется впоследствии и не волей договаривающихся сторонъ, а волей третьихъ государствъ. Соглашаясь на уступки по отношенію къ данной странѣ, мы вынуждены всегда считаться съ тѣмъ, что „вдругъ непрошенный гость, пользуясь длинной ложкой наибольшаго благопріятствованія, влѣзетъ въ нашу мяску и начнетъ ѣсть сушъ, который мы

въ сущности сварили для другихъ“. И у насъ теперь появляются голоса, заявляющіе, что при заключеніи будущихъ договоровъ слѣдуетъ обойтись безъ наибольшаго благопріятствованія. Если же мы, не предоставляя его другимъ, и сами очутимся въ такомъ положеніи, что товары другихъ странъ будутъ облагаться болѣе низкими пошлинами, чѣмъ наши, то и съ этимъ можно мириться: „отсутствіе равенства въ условіяхъ сбыта нашихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ сравнительно съ продуктами другихъ странъ и неблагопріятное вліяніе на размѣръ нашего экспорта отсутствія оговорки наибольшаго благопріятствованія представляются преувеличеннымъ опасеніемъ“.

Но правильно ли это? Дѣйствительно ли слѣдуетъ отказаться отъ системы наибольшаго благопріятствованія, отъ системы равенства въ таможенномъ обложеніи, независимо отъ происхожденія товара изъ той или другой страны, отъ системы обезпеченности и устойчивости торговыхъ отношеній, при которой каждому государству дается гарантія, что оно не будетъ внезапно вытѣснено изъ міроваго рынка, вслѣдствіе предоставленія большихъ льготъ его конкуренту, наконецъ, отъ системы, примѣнимой равнымъ образомъ и къ тарифамъ, проникнутымъ духомъ свободной конкуренціи, и къ тарифамъ, построеннымъ на началахъ крайняго протекціонизма. Какую иную систему слѣдуетъ ей предпочесть?

Старой европейской системѣ противопоставляетъ свой принципъ Новый Свѣтъ. Едва достигнувъ совершеннѣйшаго, молодая заокеанская республика заявила Европѣ: наибольшее благопріятствованіе—это есть система „подарковъ“, при которой уступками пользуется не только тотъ, кто за это заплатитъ, но и тотъ, кто ничего не далъ. Ее надо замѣнить системой „коммерческой“, системой равноцѣнности услугъ, господствующей во всей хозяйственной жи-

зни. Уже въ одномъ изъ первыхъ договоровъ, заключенныхъ Соединенными Штатами, — договоръ съ Франціей 1778 г., — вмѣсто немедленнаго, безусловнаго и безвозмезднаго предоставленія—въ данномъ случаѣ Франціи—всѣхъ льготъ, которыя будутъ установлены въ пользу какого-либо иного государства, говорится слѣдующее. Каждая изъ договаривающихся сторонъ получаетъ выгоды, предоставленныя третьей державѣ, безвозмездно, если и третья держава получаетъ ихъ безвозмездно; если же—въ этомъ центрѣ тяжести—третья держава получаетъ ихъ только возмездно (за уступку съ своей стороны), то Франція (или Соединенные Штаты) можетъ ими воспользоваться лишь возмездно, за извѣстный эквивалентъ. Иными словами, если Америка заключитъ впослѣдствіи договоръ съ Нидерландами (какъ это было спустя нѣсколько лѣтъ), то Франція вовсе не воспользуется немедленно льготами, предоставляемыми Нидерландамъ, какъ это было бы при оговоркѣ наибольшаго благопріятствованія. Нѣтъ, она должна каждую такую льготу купить, вымѣнять на соотвѣтствующую уступку въ пользу Соединенныхъ Штатовъ. Франція, слѣдовательно, не имѣетъ никакой гарантіи въ томъ, что всѣ выговоренныя ею льготы, за которыя она сдѣлала съ своей стороны уступки Америкѣ, не станутъ иллюзорными, и весь договоръ не потеряетъ всякій смыслъ и всякую цѣнность для нея, вслѣдствіе того, что Нидерланды или какая-либо иная страна получатъ еще большія льготы, будутъ имѣть возможность уплачивать въ Америкѣ болѣе низкія пошлины. Она не имѣетъ гарантіи въ томъ, что, несмотря на заключенный договоръ, другія страны не вытѣснятъ ея съ американскаго рынка.

Эту новую „торгашескую“ систему американцы примѣняютъ и до сихъ поръ, именуя ее системой условнаго или ограниченнаго наибольшаго благопріятствованія, хотя американскій прин-

ципъ такъ же далекъ отъ европейской „оговорки“, „какъ рабство отъ свободы“, и долженъ привести къ тому, что то или другое государство оказывается въ положеніи не наиболѣе, а „наименѣе благопріятствуемой державы“.

Черезъ океанъ зараза перебросилась въ Европу, и хотя здѣсь традиціи не позволили столь же быстро покончить съ „устарѣлымъ“ принципомъ равенства въ области торговыхъ сношеній, но отрицательное отношеніе къ нему выразилось въ стремленіи такъ или иначе обойти постановленіе о наибольшемъ благопріятствованіи, содержащееся въ договорахъ. Попытки такого рода дѣлались въ особенности Франціей и Германіей. Въ то время какъ „обыкновеніе есть трактатамъ коммерціи назначить время“ (какъ говорится въ англорусскомъ торговомъ договорѣ 1734 г.), эти страны оказались, на основаніи франкфуртскаго мира 1871 г., скованными на вѣчныя времена обязательствомъ предоставлять другъ другу льготы, которыя они дадутъ инымъ державамъ; только нынѣшняя война насильственно разорвала эту цѣпь.

Но та же Германія, которая особенно настаивала на ввесеніи этого постановленія въ договоръ 1871 г., старается обойти его путемъ такъ называемой специализаціи таможеннаго тарифа. Такъ, наприм., желая установить льготу для привоза швейцарскихъ быковъ и не имѣя возможности лишить этой льготы французскій скотъ, она вноситъ въ тарифъ двѣ ставки — одну, повышенную, для быковъ вообще, а вторую, болѣе низкую, для тѣхъ быковъ, „которые паслись не менѣе трехъ мѣсяцевъ на высотѣ 300 метровъ и выше и которые имѣютъ морду съ черными пятнами и конецъ хвоста краснаго цвѣта“. Можно ли точнѣе и детальнѣе описать швейцарскій скотъ? Или другой примѣръ: вѣера облагаются ставкой въ 250 фр. со 100 килогр.; но за тѣ изъ нихъ, которые цѣликомъ или частью сдѣланы изъ страусовыхъ перьевъ, пла-

тять втрое дороже—они-то преимущественно привозятся изъ Франціи. Такимъ-то способомъ, устанавливая во многихъ случаяхъ различныя пошлины на совершенно одинаковые по существу товары, отличающіеся другъ отъ друга лишь упаковкой, цвѣтомъ и т. д., нѣмцы имѣютъ возможность въ дѣйствительности обходить правило наибольшаго благоприятствованія, формально признавая его.

Конечно, такой обходъ подрываетъ довѣріе къ этой системѣ торговой политики. Но тѣмъ болѣе слѣдуетъ принципиально настаивать на необходимости ея сохранения. Правда, противники заявляютъ, что это не есть система равенства, что она создаетъ, напротивъ, неравенство, несправедливость, ибо выгоду получаетъ совершенно даромъ посторонняя держава. Да и вообще — говорятъ они — въ этомъ случаѣ невозможно заранѣе опредѣлить, кому, какому третьему государству, наибольшую выгоду доставить уступка, дѣлаемая данной странѣ. Конечно, нельзя отрицать того, что, наприм., уступка, сдѣланная Германіей Италіи по договору 1891 г. въ видѣ пониженія пошлины на прессованный виноградъ съ 15 мар. до 4 мар., доставила гораздо большую выгоду Испаніи, получившей эту льготу автоматически. Но развѣ въ другихъ случаяхъ, примѣняя другія мѣры торговой политики, мы въ состояніи заранѣе опредѣлить, кто извлечетъ изъ нихъ наибольшую пользу?

Когда, напримѣръ, та же Италія вела таможенную войну съ Франціей, то она имѣла въ виду лишь нанести ей ущербъ, но вовсе не благодѣтельствовать другія государства. А между тѣмъ отъ этого выиграла Испанія, которая въ Италіи стала вытѣснять французскія вина, а во Франціи замѣнила своими апельсинами, лимонами и т. д. итальянскіе „agumi“; выиграла Германія и Австрія, которыя наводнили Италію своими комья-воажерами и обезпечили рынокъ своимъ шелковымъ, шерстянымъ и т. п.

матеріямъ, воспользовавшись отсутствіемъ французскихъ издѣлій.

Но сторонники „американской“ системы заявляютъ, что принципъ взаимности способенъ устранить такого рода несправедливости; здѣсь господствуетъ начало *do ut des*, за каждую уступку нужно дать соотвѣтствующую льготу, эквивалентъ. Вопросъ только въ томъ, какая льгота является „соотвѣтствующей“, кто опредѣлитъ это соотвѣтствіе, мыслима ли вообще такая „коммерческая“ точность въ международныхъ отношеніяхъ, такое взвѣшивание и измѣреніе выгодъ и уступокъ“. Можно ли и при этой системѣ заранѣе опредѣлить результаты? Вѣдь только впоследствии, на основаніи данныхъ торговой статистики, свѣдѣній о развитіи тѣхъ или другихъ отраслей сельскаго хозяйства и промышленности можно будетъ установить, какое вліяніе оказала та или иная мѣра торговой политики. И когда государство, желая добиться тѣхъ же льготъ, которыя предоставлены иному государству, вынуждено ихъ „купить“ пониженіемъ пошлинъ съ своей стороны, приноситъ ли оно дѣйствительно всегда „жертву“, подобно покупателю, отдающему извѣстную сумму денегъ за купленный товаръ? Если бы намъ пришлось, напримѣръ, въ качествѣ такого эквивалента понизить хотя бы пошлины на чугунъ, то отъ этого, быть можетъ, только выиграло бы наше народное хозяйство, прекратился бы чугунный голодъ, развилась бы металлургическая, машиностроительная, кораблестроительная индустрія. Тогда мы не только даромъ получили бы уступку со стороны другого государства, но еще извлекли бы добавочную выгоду; а тому государству, по требованію котораго мы понизили пошлину, мы, быть можетъ, еще нанесли бы ущербъ пониженіемъ ея, если бы развитіе нашей индустріи вытѣснило иностранныя рельсы, вагоны, машины и т. д. Словомъ, система взаимности еще вовсе не гарантируетъ взаимныхъ выгодъ и равенства жертвъ съ обѣихъ сторонъ.

Но зато она приводитъ къ одновременному существованію многихъ договорныхъ тарифовъ, дѣйствующихъ въ отношеніи различныхъ государствъ, ибо нѣтъ нивелирующей силы въ видѣ принципа наибольшаго благопріятствования. Она создаетъ огромныя техническія затрудненія при взиманіи таможенныхъ пошлинъ, такъ какъ необходимо каждый разъ опредѣлять страну происхожденія даннаго товара, а это заставляетъ импортера прилагать къ грузу спеціальныя документы и удостовѣренія, которые чрезвычайно тормозятъ торговый оборотъ, но вовсе не предупреждаютъ обмана. Поэтому совѣтъ сѣздовъ представителей промышленности и торговли высказался противъ проекта введенія у насъ правилъ по удостовѣренію происхожденія товаровъ, какъ вносящаго большія затрудненія въ ходъ нашей внѣшней торговли.

Подробно разбирая огромныя неудобства отказа отъ системы наибольшаго благопріятствования, проф. М. Н. Соболевъ предлагаетъ однако же („Перестройка принциповъ торговой политики Россіи“, 1915 г.) принять условное или ограниченное благопріятствование. Подъ этимъ онъ разумѣетъ, однако, не американскую систему предоставленія эквивалента за каждую льготу, даваемую другому государству, а дѣйствительно оговорку наибольшаго благопріятствования, гарантирующую равное отношеніе ко всѣмъ товарамъ и поданнымъ всѣхъ государствъ. Но только онъ желалъ бы примѣненіе этой оговорки нѣсколько ограничить, внося, наприм., въ договоръ прибавленіе, что льготы, предоставленныя такому-то государству или для такихъ-то товаровъ, страны, пользующіяся наибольшимъ благопріятствованиемъ, не могутъ требовать для себя. Такъ, наприм., по упомянутому нами франкфуртскому миру 1871 года Германія и Франція взаимно предоставляютъ другъ другу всякую льготу, устанавливаемую ими въ пользу Англіи, Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи, Австріи

и Россіи. Льготъ же, которыя кака-либо изъ сторонъ предоставляла инымъ государствамъ, кромѣ перечисленныхъ, стороны безвозмездно не получали.

Но здѣсь ограниченіе принципа наибольшаго благопріятствования носитъ въ сущности чисто-формальный характеръ, ибо всѣ тѣ страны, равноправіе съ которыми на мировомъ рынкѣ для Германіи и Франціи существенно, перечислены въ договорѣ; не упомянутыя же страны имѣютъ для нихъ мало значенія, въ особенностъ если имѣть въ виду, что въ отношеніи Америки существуетъ все равно иная система. Иное дѣло, если то или иное государство не получаетъ равныхъ правъ съ важными конкурентами, если бы въ этомъ договорѣ, напримѣръ, не указаны были Бельгія, Австрія и т. п., если бы Германія отказалась немедленно предоставить Франціи тѣ льготы, которыя она дастъ Россіи или Швейцаріи, или если бы она не распространила этой оговорки на какіе-либо существенные для французскаго экспорта товары—шелковыя издѣлія, шипучія вина, дамскіе наряды и т. д. Тогда получилось бы не формальное, а дѣйствительное ограниченіе принципа наибольшаго благопріятствования; тогда принципъ равноправія привозимыхъ въ страну товаровъ, независимо отъ ихъ происхожденія, былъ бы нарушенъ, и тогда наступили бы тѣ именно существенные пороки, которые являются послѣдствіемъ его нарушенія. Контрагентъ, въ данномъ случаѣ Франція, не былъ бы гарантированъ, что въ любой моментъ другая сторона (въ данномъ случаѣ Швейцарія или Россія) не получитъ большихъ уступокъ и не вытѣснитъ ея съ германскаго рынка. А съ другой стороны получилась бы та необходимость доказывать происхожденіе товара, которая такъ сильно усложняетъ таможенные формальности и такъ легко вдвѣдряетъ товары одной страны подъ видомъ товаровъ, привозимыхъ изъ другой и обложенныхъ меньшей ставкой.

И тотъ и другой результатъ получается какъ при полномъ отказѣ отъ принципа наибольшаго благопріятствованія, такъ и при внесеніи въ него дѣйствительныхъ (а не только формальныхъ) ограниченій. Но хуже всего, конечно, то, что тотъ, кто самъ устанавливаетъ такія ограниченія, долженъ будетъ терпѣть ихъ въ свою очередь. А мы уже разъ сильно страдали отъ нихъ, когда Германія въ 1892 г. установила на хлѣбъ пошлину въ 5 мар. съ 100 килогр., а затѣмъ по договору съ Австріей и съ другими государствами понизила ее до 3½ мар., но отказалась распространить ее на русскій хлѣбъ, ибо Россія не пользовалась правами наиболѣе благопріятствуемой державы. Въ виду того, что русскій хлѣбъ облагался пошлиной на 7,6 коп. зол. или на 12 коп. кред. съ пуда болѣе, чѣмъ хлѣбъ другихъ странъ, государства, которымъ былъ предоставленъ конвенціонный тарифъ, ушли за короткое время въ значительной мѣрѣ замѣстить Россію на германскомъ рынкѣ даже въ снабженіи рожью, составлявшей до того времени предметъ специально русскаго экспорта. (См. Соболевъ. Исторія русско-германскаго торговаго договора. 1915 г.). Всѣ наши усилія были направлены къ тому, чтобы обезпечить себѣ во что бы то ни стало равныя съ прочими государствами права. Государственный Совѣтъ при заключеніи договора съ Германіей придавалъ особенное значеніе „обезпеченію русскимъ товарамъ равноправности съ товарами другихъ странъ, въ особенности въ виду той роли, которую имѣетъ европейскій рынокъ для нашихъ сельскохозяйственныхъ произведеній“. Ради этого онъ готовъ былъ пойти на значительныя уступки. Равноправіе и было достигнуто по договору 1894 г.

Если исторія чему-нибудь учитъ, то этотъ печальный опытъ долженъ намъ подсказать, что намъ слѣдуетъ строго держаться принципа безусловнаго наибольшаго благопріятствованія, безъ вся-

кихъ ограниченій, ибо только онъ гарантируетъ намъ возможность конкурировать съ другими странами на мировомъ рынкѣ.

І. Кулишеръ.

2. Анна Павловна Философова.¹⁾

Она любила людей, и люди ее любили. Такъ, въ двухъ словахъ я опредѣлил бы жизненный путь Анны Павловны. И тому, что люди ее любили, есть прочное свидѣтельство. Два тома сборника „Памяти А. П. Философовой“ останутся въ нашей литературѣ. Они составлены любящей рукой. Прекрасные портреты и рисунки подобраны съ большимъ художественнымъ вкусомъ. Издана книга роскошно. Налетъ трогательной вѣжливости ощущается на всѣхъ страницахъ. Къ памяти Анны Павловны прикасался осторожно, съ пѣтетомъ, дружескія руки.

Весь огромный первый томъ занятъ романомъ А. В. Тырковой: „Анна Павловна Философова и ея время“. У А. В. Тырковой были въ рукахъ интереснѣйшіе не опубликованные матеріалы изъ семейной хроники Дягилевыхъ и Философовыхъ. На обработку матеріала А. В. Тыркова потратила болѣе года и вложила въ это дѣло свой талантъ, свою женскую чуткость къ чужимъ переживаніямъ. Изъ-подъ ея пера вышелъ яркій романъ изъ подлинной жизни, мѣстами прямо увлекательный. Такой трудъ достоинъ уваженія. Я думаю, что уваженіе къ книгѣ и состоитъ въ серьезномъ къ ней отношеніи, не только въ подчеркиваніи ея достоинствъ, но и въ указаніи на ея недостатки.

Главнымъ изъ нихъ и основнымъ мнѣ представляется ошибка перспективъ.

¹⁾ Сборникъ памяти Анны Павловны Философовой. Т. I. А. В. Тыркова. А. П. Философова и ея время. XVI + 478 стр. Т. II. Статьи и матеріалы. 94 + 182 стр. Цѣна за 2 т. 10 р.